

Явление видописца народу

Эту книгу могли издать, конечно, только с оглядкой на юбилей северной нашей столицы - тем более так красиво, стильно, щедро издать. Но, поскольку Санкт-Петербургом и его 300-летием нас сильно перекормили, то, боюсь, как бы это не сказалось на восприятии исследования **М. Лебедянского «Алексей Zubов, первый видописец Санкт-Петербурга»**.

Алексею Федоровичу Zubову в истории раза три страшно не повезло. Сначала его, первого видописца столицы, как и прочих выдвиненцев недавно почившего императора, как-то отнесли. Тем более что Zubов был близок к опальному князю Меншикову. Начальника типографии, где Алексей Федорович работал, обвинили в крамоле, деньги перестали платить совсем. Так что работники по случаю знаменательной даты - Успенья Богородицы - просили выделить хоть по 2 - 3 рубля, «чтоб... с женами и детьми не исчезнуть голодом». Так что пришлось Zubову, лучшему ученику приглашенных Петром I западных мастеров, уехать в старозаветную Москву.

Потом об Алексее Федоровиче и вовсе забыли - лет на 250. И только в 70-х годах прошлого века словно заново его работы увидели - и удивились, начали о нем думать и писать. Но сначала то были узкие специалисты. И вот в книге **М. Лебедянского Zubов** явлен во всей красе своей. Доктор искусствоведения, автор многих книг по искусству, Лебедянский как-то очень ловко сумел соединить то, что интересно именно узкому специалисту - и при этом поведать о Zubове так называемому широкому читателю. Мне, например.

Первое ощущение - что я Zubова знаю! Именно его гравюры представляются внутреннему взору, когда речь заходит о петровской эпохе. Видимо, мелькали в качестве иллюстраций. Но тут они, что называется, поданы. Издательство «Белый город» не поскупилося на отличную бумагу, на дизайн и корректуру. Трудно представить книгу, изданную более элегантно, роскошно, но при этом и сдержанно. Охота сказать: царственно сдержанно. Суперобложка золотая, но с черно-белой гравюрой: помпез-

но, но строго. Не книга - торжественный выход императора при всех орденах и регалиях.

Однако на фоне всемирного съезда самых главных персона планеты, итальянцами поставленных цветомузыкальных шоу, карнавалов и отрезанных губернаторских галстуков книжка о Zubове, это торжество хорошего вкуса, вряд ли заметна. Именно в этом смысле Алексею Федоровичу Zubову не повезло в третий раз.

Хотя, конечно, прорыв совершен и совсем забыть о знаменитом петровском видописце мы уже не сможем.

Иллюстраций в книге куда больше, чем, собственно, текста - 74. Иные даны с фрагментами, чтобы мы могли хорошо рассмотреть и оценить подробности. Причем представлены и работы коллег Алексея Федоровича, и учителей его - иностранцев. Так что если сказано нам автором, то есть **М. Лебедянским**, например, что в такой-то работе Zubов превзошел учителя или, наоборот, что он к концу жизни как бы «сдал» свои творческие завоевания, умение писать в реалистической, западной манере и вернулся к «плоскому», от иконописи идущему стилю - мы можем как бы лично в этом убедиться, проверить.

О Zubове известно, в сущности, мало. Но все, что сохранилось в архивных анналах, все, что добыто у истории другими исследователями, Лебедянским представлено - с непременными в академических кругах ссылками и благодарностями. Иные зак-

лючения носят, впрочем, умозрительный характер. Например, **М. Лебедянский** доказывает, что, несмотря на отсутствие прямых свидетельств, Петр I скорее всего знал лично Алексея Федоровича Zubова. Поскольку косвенных подтверждений тому много. Или, например, автор книги утверждает, что гравюра «Изображение Брака его Царского Величества Петра Первого Самодержца Всероссийского» хоть и без подписи, но несомненно является работой Zubова. Ибо, во-первых, второй гравер был в это время в отъезде, во-вторых, в типографии тогда только Zubов и работал.

Лебедянский много внимания уделяет материям сугубо специальным - например, тому, в какой технике работал Алексей Федорович, в чем секрет первого плана его гравюр и второго, часто основного. Чем различается офорт и манера меццо-тинто. И вообще - как он «делал» воду и небо, что они кажутся живыми. Zubов, оказывается, был не только высокого класса гравировщиком, но и художником. Сделанные им портреты четырех российских царственных особ - Петра I, Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны - об этом свидетельствуют. Но еще более об этом говорят портреты светлейшего князя **А. Д. Меншикова** и его семейства - их Zubов рисовал чаще всех. А посмотрите на портрет ребенка (он называется «Маленькая персонка»), на портрет юбер-сарваира (главного кораблестроителя) **И. М. Головина**: перед нами живые люди, характеры, манера уже совершенно реалистическая.

А. Ф. Zubов был призван эпохой Петра I. И он выразил дух, стиль, настрой своего времени как никто другой. Наивность и торжественность. Важность и дерзость. Бешеную энергию и легкость молодости. Да, он выполнял социальный заказ, как бы ныне сказали, но социальный заказ великого императора! Как говорил основатель Санкт-Петербурга, «Ограда Отечества безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусства и науки». Слова эти **М. Лебедянский** сделал эпиграфом к своей книге.

Татьяна БЛАЖНОВА.